

ШАГ ВПЕРЕД В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯПОНОВЕДЕНИЯ*

Выход в свет рецензируемой монографии является своего рода индикатором в развитии отечественного японоведения. Его авторы — представители старшего поколения ныне здравствующих японоведов (С.Б. Маркарьян, Э.В. Молодякова), так и молодого (В.Э. Молодяков), сравнительно недавно заявившего о себе в научном мире, но уже зарекомендовавшего себя в качестве оригинального исследователя. В указанной монографии нашли отражение успехи отечественного японоведения, достигнутые в 90-е гг. XX — начала XXI в. Эта монография является продолжением и завершением огромной работы, проделанной в отечественном японоведении за последние полтора десятка лет и нашедшей свое отражение в ряде сборников статей и содержательных монографий, вышедших в России.

Первой попыткой подвести итог исследовательской работы в отечественном японоведении был выход в свет двухтомного учебного пособия «История Японии» большого коллектива авторов. Нужно сразу сказать, что эта попытка

* Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН. Изд-во «Крафт+», 2007. 527 с.

оказалась удачной. Она свидетельствует о большом потенциале отечественного японоведения, освободившегося от идеологических шор, сковывавших его развитие в СССР и определявших отсталость не только от мирового уровня, но также от других отраслей отечественной востоковедческой науки.

Рецензируемую монографию отличает ясность позиции, высокий теоретический уровень, многообещающий интересный концептуальный подход и большой круг источников, на которые опирается авторский коллектив. Концептуальную новизну продемонстрировали авторы в осмыслении истории Японии двадцатого столетия. Так, один из авторов монографии (В.Э. Молодяков) отмечает не только отрицательное влияние японской колониальной политики в отношении соседних стран Дальнего Востока, но и усматривает ее положительные последствия. Эта политика «заложила основу послевоенного взлета Тайваня и Южной Кореи» (с. 53). И с этим нельзя не согласиться. Отказ от манихейской черно-белой трактовки исторических событий несет полезное развитие отечественного японоведения.

Нужно также приветствовать освобождение от терминов «позитивный» и «негативный» при характеристике двух направлений, существовавших во внешней политике Японии в 20-е гг. XX в. В. Молодяков употребляет более адекватный термин «активная» внешняя политика (с. 92). Из этого следует, что противоположный внешнеполитический курс нужно обозначать как «пассивная» внешняя политика. Термины «позитивный» и «негативный» пришли в отечественное японоведение из английского языка. Это неудачный перевод японских терминов «*сёккёкутэки*» и «*сёкёкутэки*», которые допускают двойное толкование: «*сёккёкутэки*» в оригинале содержит значение как «позитивный», так и «активный», а «*сёкёкутэки*» в японском языке означает и «негативный», и «пассивный». В свое время англоязычные специалисты по внешней политике Японии из двух вариантов перевода выбрали самые неудачные, а советские исследователи некритически их заимствовали, что приводило к затемнению содержания двух противоборствующих курсов внешней политики Японии эры поздней Тайсё и начала Сёва.

Автор дает довольно любопытную, хотя и не бесспорную характеристику «правого радикализма» в Японии на исходе второго — начала третьего десятилетия XX в. (с. 102—105). Нужно согласиться с тезисом автора об отсутствии предпосылок коммунистического движения в Японии в 20-е гг. XX в. Такая трактовка коммунистического движения позволяет понять и многочисленные расхождения КПЯ с Коминтерном, и последующее перерождение японского коммунистического движения (70—80-е гг. XX в.) в леворадикальное движение с сильным налетом национализма.

В.Э. Молодяков пишет, что «Маньчжурский инцидент» (захват Маньчжурии японской армией в 1931 г.) принято считать окончательным поражением либерально-демократических тенденций (с. 121). И это верно, ибо в данном случае налицо взаимосвязь внешней и внутренней политики Японии. В монографии дана оригинальная трактовка так называемых «бюрократов-реформаторов». «У бюрократов-реформаторов было много общего. Почти все они работали в Маньчжоу-го, руководя его экономикой и промышленностью, и рассматривали его как полигон для будущих экономических реформ в самой Японии. Они стремились к замене существующей экономической

и политической системы на нечто более «рациональное», изучая опыт «корпоративного государства» Муссолини, советского планового хозяйства, однопартийной системы и Трудового фронта нацистской Германии. Они были сторонниками внешней экспансии, но отдавали предпочтение экономическим, политическим и только потом военным методам» (с. 130).

Следует также отметить характеристику группировок «*Тосэйха*» («группы контроля») и «*Кодоха*» («группы императорского пути»). До недавнего времени они в отечественной (в советской) историографии трактовались как два течения японского фашизма. В.Э. Молодяков рассматривает эти течения в правящей верхушке Японии как проявление своего рода атавизма бывших клик Сацума и Тёсю (так называемая олигархия Саттё) (с. 131). В связи с этим вполне логичным выглядит отказ исследователя от концепции «монархо-фашизма» в характеристике политического режима в Японии, сложившегося накануне Второй мировой войны. Эта концепция под влиянием теоретических разработок Коминтерна и в свете сегодняшних достижений исторической науки и мирового японоведения выглядит явным анахронизмом.

Заслуживает внимания и характеристика режима генерала Тодзио не как тоталитарного, а как «авторитарного» (с. 185—186). Безусловной удачей рецензируемой монографии является глава IV, посвященная войне на Тихом океане (1942—1945 гг.). В.Э. Молодякову в соавторстве с военным историком Г.Б. Брылевским удалось, на наш взгляд, дать новую трактовку начала войны на Тихом океане. В главах, посвященных истории Японии после окончания Второй мировой войны, написанных в соавторстве маститыми японоведами Э.В. Молодяковой и С.Г. Маркарьян, можно обнаружить много теоретических новинок, которые позволяют пролить свет на ряд судьбоносных событий послевоенной истории Японии.

Прежде всего нужно согласиться с утверждением авторов, что после войны Японией управляла «бюрократия второго ряда» (с. 234). В этом ключ к пониманию такого важного момента в историческом развитии Японии, как преемственность между довоенным и послевоенным поколениями японских политиков. Вполне обоснованно в монографии большое внимание уделяется «эре Ёсида» и самой личности одного из влиятельнейших премьер-министров послевоенной Японии Ёсида Сигэру, который сумел в период американской оккупации создать надежную систему сотрудничества японской политической элиты с американской оккупационной администрацией и заложить основы послевоенной внутренней и внешней политики Японии.

Нужно согласиться с оригинальной трактовкой авторами ныне действующей японской конституции, вступившей в силу в мае 1947 г., которая «...в большей степени была ориентирована на английскую модель конституционной монархии» (с. 251), в то время как большинство японоведов усматривают в конституции 1947 г. влияние американской традиции.

Нельзя пройти мимо характеристики фракционной борьбы в либерально-демократической партии Японии (с. 307). Авторы дают иную трактовку роли фракционной борьбы в ЛДП, утверждая, что в ЛДП «внутрипартийная жизнь практически была недоступна для публичного контроля». В.И. Ерёмин в своей весьма нетрадиционной монографии «Политическая система современного японского общества» (М.: Наука, 1992, 1995) высказывал ори-

гинальную мысль, что межфракционная борьба и смена у руководства ЛДП различных фракций играла роль своего рода механизма демократизации политической жизни, заменяя «двухпартийные качели», характерные для США и европейских стран.

Мы склонны скорее согласиться с выводом авторов рецензируемой монографии, чем с утверждением В.И. Ерёмкина. Тем более, что в монографии показано, какое пагубное влияние на судьбу ЛДП и политическую жизнь Японии оказало господство «суперфракции» Танака Какуэй, что подтверждает вывод о «недоступности для публичного контроля» деятельности долгое время руководящей и направляющей политической силы Японии. Не понятно, почему авторы исключили монографию В.И. Ерёмкина из библиографии рецензируемой книги.

Можно было бы и дальше продолжать характеристику теоретических находок и оригинальных трактовок в осмыслении исторического процесса в Японии в XX в., но есть и недостатки в рецензируемой монографии.

Много замечаний в главах, написанных В.Э. Молодяковым. Так, он дает трактовку деятельности выдающегося государственного деятеля С.Ю. Витте (с. 16), обвиняя его в том, что была упущена возможность урегулировать отношения с Японией в конце 1901 г.; его деятельность «стала одной из главных конкретных причин войны с Японией» (с. 19). Никакого «сильного влияния на молодого и недостаточно опытного в политике Николая II» (с. 160) Витте не имел, напротив, если Александр III Витте всячески выдвигал и прислушивался к его советам, то Николай II не скрывал своего негативного отношения к этому гибкому и дальновидному политику и ждал случая, чтобы устранить его из государственного аппарата.

Автор допускает неточность в характеристике сил и средств России и Японии и пропускной способности Сибирской железной дороги (с. 22). Для справки отошлем к недавно переизданной книге военного министра и главнокомандующего Маньчжурской армии России А.И. Куропаткина «Русско-японская война 1904—1905 гг. Итоги войны» (М.: Полигон, 2002).

Нельзя согласиться с характеристикой роли и политического поведения императора Мэйдзи (с. 43), который «не только обладал государственными талантами, но и умел подбирать советников — администраторов, военных, ученых, которые составили славу мэйдзиновской Японии». В действительности политическими делами Муцухито (императора Мэйдзи) заставили заниматься вершители судеб Японии, выдвиженцы из среды низкорангового самурайства Окубо Тосимити и Кидо Такаёси, а деятельность тэнно во многом укладывалась в рамки японской традиции. Преувеличивать ее не следует.

Представляется неудачным термин «евразийский» для характеристики одного из направлений внешней политики Японии (с. 77 и далее). Понятие «евразийство» несет в себе определенную смысловую нагрузку. Оно применяется для характеристики современной внешней политики («евразийская дипломатия» Хасимото Рютаро), но более правильным, с нашей точки зрения, называть направление во внешней политике Японии, о котором идет речь, как «континентальное» или «континенталистское».

На с. 147 дается характеристика причин военного столкновения у оз. Хасан в 1938 г. Автор отмечает, что эти события возникли из «взаимной неуступчивости сторон». В отечественном японоведении, равно как и в историографии новейшей истории России, в последние 15—20 лет появилось немало трудов, основанных на архивных материалах, в которых показано, что столкновение у оз. Хасан было спровоцировано советской стороной.

И, наконец, последнее замечание: В.Э. Молодяков не мог отказаться от использования трактовки событий от Мэйдзи исин до окончания Второй мировой войны как «консервативной революции». Автору кажется, что он нашел универсальный ключ к пониманию политической истории Японии на протяжении почти целого столетия, а в действительности он получил инструмент, именуемый отмычкой, которая способна только сломать такой хрупкий механизм, как политическая система Японии эпохи Мэйдзи — Тайсё и частично Сёва. В силу приверженности своей концепции «консервативной революции» В.Э. Молодяков не замечает такого явления, как японский фашизм. Об этом сказано в содержательной монографии И.В. Мазурова «Японский фашизм» (М.: «Восточная литература» РАН, 1996). Кстати, монография И.В. Мазурова тоже не вошла в библиографию, приложенную к книге.

Меньше замечаний можно высказать в адрес разделов, написанных Э.В. Молодяковой и С.Б. Маркарьян. Но им тоже, к сожалению, не удалось избежать неточностей и устоявшихся штампов. Например, используется термин «отсутствующие помещики» (с. 307). Это буквальный перевод японского термина «*рису дзинуси*», его лучше было бы перевести как «помещики — абсентеисты».

На с. 321 дается характеристика борьбы различных слоев населения Японии против заключения договора с США о гарантиях безопасности Японии в 1960 г. Она выдержана в традиционном духе общедемократического движения. Плодотворнее, с нашей точки зрения, было бы подойти к этому феномену с точки зрения кризиса национальной идентичности.

Наконец, нельзя не возразить против того, что авторы монографии вслед за националистически настроенными японскими историками и политическими деятелями характеризуют японскую монархию как древнейшую в мире из существующих в настоящее время и непрерывную. Ни то, ни другое неправильно по существу. Дата правления первого императора Японии Дзимму является вымышленной. Что же касается непрерывности японской императорской династии, то японские историки еще в период средневековья показали, что она не была непрерывной. Достаточно вспомнить параллельное существование южного и северного двора в период сёгуната Асикага (*намбокутё*).

В заключение еще раз отметим, что выход рецензируемой монографии — незаурядное событие в отечественном японоведении, и выразим уверенность в том, что данной монографии уготована долгая жизнь.

В.В. СОВАСТЕЕВ,

доктор исторических наук, профессор

О.М. ШЕВЧУК,

кандидат исторических наук